18+

Полина Снегирёва

Бумага всё стерпит

Восемнадцать рассказов

БУМАГА
ВСЁ СТЕРПИТ

восемнадцать рассказов

18+

Санкт-Петербург
2023

Полина Снегирёва

Бумага всё стерпит. Восемнадцать рассказов

«Издательские решения»

Снегирёва П.

Бумага всё стерпит. Восемнадцать рассказов / П. Снегирёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609247-1

В книгу вошли рассказы: «Массаж от Зоси», «Мама», «Колдовство», Аккумулятор», «Машина времени», «Светка», «Выбор», «До встречи в Париже», «Минотавр», «Омут», «Пустоцвет», «Материализация чувственных идей», «Медицинская сортировка», «Офицеры», «Пол-пони», «Гоша хороший», «Парася», «Чомга». Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-609247-1

© Снегирёва П.
© Издательские решения

Содержание

МАССАЖ ОТ ЗОСИ (18+) 6
МАМА 10
КОЛДОВСТВО 17
Конец ознакомительного фрагмента. 23

Бумага всё стерпит
Восемнадцать рассказов

Полина Снегирёва

© Полина Снегирёва, 2023

ISBN 978-5-0060-9247-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

vocatus atque non vocatus deus aderit

МАССАЖ ОТ ЗОСИ (18+)

Когда-нибудь я научусь писать от третьего лица. В этот прекрасный день я торжественно сяду перед своим потрёпанным лаптопом, привычно матюкнусь на вечно западающую клавишу Е, два раза кликну правой кнопкой мыши на папку «Мои опусы» и стану править от третьего лица всё то, что писалось для тебя. Это волшебное «третье лицо»… Возьму себе нелепый псевдоним «Зося», и пусть она отдувается. Она станет спасительной мазью для незаживающих язв моих интимных откровений и переживаний, для всего того, что мне до сих пор кажется очень важным и очень секретным, что кажется беспредельно кощунственным выкладывать на всеобщее обозрение и настолько же хочется выложить.

Моя Зося, уже почти материализовавшаяся, станет уже не моей и даже не твоей, она как бесстыдная продажная девка станет вываливать перед чужими людьми самые сокровенные мои страхи и радости. Она, в чёрных лаковых туфлях на двенадцатисантиметровом каблуке, с подколотой в волосах кружевной тряпочкой и в одном лишь белом передничке на своём бесстыжем безупречно гладком порочном теле, будет приносить этим чужим людям на изящном серебряном блюде под огромной крышкой тёплый, слегка подрагивающий комок из моих живых мыслей и нежных чувств. Она дерзко и размашисто поднимет правой рукой пузатую крышку с тарелки, и в кривом зеркале металла отразятся чужие лица, а в них любопытство, восхищение, зависть, понимание и неприятие, влюблённость и разочарование, равнодушие, похоть, возбуждение, скука. И вот уже кто-то властно проведши рукою по голой спине, дёрнул её к себе на колени, а пальцы другой руки растёрли по нежной полудетской щеке густо наведённую блядскую алую помаду, а эта дура, разомлевши, изогнулась и трогательно вздрогнула ресницами.

А вот и нет, вовсе она и не дура! Она – профессиональная шлюха. Запрокинув голову, так чтобы «папик» не видел, подставив ему для поцелуя свою нереальную шею, способную отключить мозг любого мужчины, она поймала мой взгляд и цинично мне подмигнула.

Зося знает, что от неё требуется. Кажется, мы с ней обещали тебе копирайт. Дай срок. Опубликуем, разбогатеешь. Сможешь купить себе всё что захочешь. Ты ведь ещё чего-то хочешь?

****

Иногда меня заказывают. Это бывает нечасто, но не потому, что я непрофессионал, отнюдь. Просто деньги я зарабатываю другим, а «это» для души: я делаю массаж.

Подруга Галка, с которой мы когда-то вместе работали в отделе продаж крупной иностранной компании, называет меня «девочкой по вызову». Мне палец в рот не клади, я обычно за словом в карман не лезу, и в отместку зову Галку, всё ещё протирающую свою жопу в должности руководителя отдела, «продажной женщиной».

Я так хороша в своём умении, так истово выкладываюсь всякий раз, что клиенты обычно теряют голову и влюбляются в меня. Именно поэтому я избегаю мужчин и почти всегда езжу на вызов к женщинам. Особенно я люблю старух. Когда делаешь массаж молодому существу, какой-нибудь отчаянно желающей забеременеть девочке чуть за двадцать с нажитым в палатках и походах за романтикой беспорядочных половых связей циститом, это скучно и ожидаемо, как утренний моцион. Совсем другое дело, когда касаешься руками старого тела. Все эти морщинки и неровности, бородавки, родинки, шрамы, пигментные пятна… Ты как VIP-клиент элитной библиотеки, будто сидишь в жёлтом полумраке дубового читального зала и в свете зелёного абажура настольной лампы читаешь подшивку газет столетней давности. В ежеднев-

ных новостях обычно написана всякая бытовая ерунда, уже через неделю канувшая в Лету. И подписчики, и издатели отлично знают цену этой жвачки, призванной лишь на день заполнить полосы жёлтой прессы, умы обывателей и рабочие места типографии. Но через сто лет эта повседневная помойка из свежеприготовленной браги оформляется в душистый коньяк божественного напитка.

На излёте прошлой зимы меня позвали то ли в Красносельский, то ли в Калининский район к полусумасшедшей бабе. Во всяком случае именно так её охарактеризовал врач, направивший меня к ней, чтобы «подуспокоить её массажиком, не возбуждая хронику».

Райончик оправдал ожидания. С трудом припарковавшись возле огороженной с трёх сторон бетонными плитами помойки, по мерзкому светло-жёлтому смузи дворового снега я дочапала до нужного подъезда. Кодовый замок, хит тридцатилетней давности, давно не работал в нужную квартиру, и я ещё минут десять топталась со своим докторским чемоданчиком в руках перед обшарпанной дверью парадной, пока не прошмыгнула внутрь навстречу редкому в это время дня выходящему. В тот момент я была на грани закипания, только случай внезапно открывшейся двери заставил меня войти. Дело в том, что моя пациентка, когда я ей позвонила от подъезда, ответила на телефонный звонок деланно слабым голосом, сказалась безнадёжно умирающей и отказалась спускаться за мной к парадной. Сука.

К четвёртому этажу без лифта я запыхалась и на меня снова накатило желание послать всё к чёрту, развернуться и уехать. Хорошо, что я этого не сделала, потому что потом, когда я вошла внутрь, стало весело. Давно меня так не штырило от омерзения. «Умирающая» пациентка бодро распаковала четыреста четыре замка прилагающихся к убогой дерматиновой двери и когда наконец она её распахнула, я чуть не упала в обморок от кошачьей вони. В микроскопической двухкомнатной хрущёвке, кроме хозяйки, жило три кота. Четвёртый кот с полгода как издох и, по официальной версии заводчицы, именно это трагическое событие ввергло её в пучину депрессии и спровоцировало ей букет заболеваний, который я теперь обязана устранить. Животные, казалось, определяли эту поганую квартирку: кошачьи лотки, лежанки, когтеточилки, миски, искусственные мышки, ленточки для кошачьих игр, даже пакеты с мусором были заполнены только кошачьим. Но нет, не это здесь так удручало. С ног сбивал не столько запах, а уныние, – все обитатели этого вольера, замаскированного под квартиру, были глубоко несчастны. Вальяжный откормленный котяра, потряхивая своей шикарной шубой, пришёл посмотреть, как я отреагирую на свои обоссанные им сапоги. Конечно, я была в бешенстве, но, когда заглянула этой скотине в глаза, гнев улетучился. Я даже мысленно поблагодарила кота, за то, что нагадил не вовнутрь. Простить несчастному его злодеяние – это то немногое, чем я могла поддержать его в бездонной, безнадёжной и, по-моему, беспричинной скорби.

Ровно такой же взгляд был у мужчины, который появился в кошачьей квартирке к концу процедуры. Я столкнулась с ним в коридорчике перед входом в ванную, где собиралась смыть руки. Он дал мне свежее полотенце. Наверное, подумала я, он его принёс с собой. Совершенно невероятно, чтобы в этом протухлом пространстве можно было найти хоть что-то свежее. Это был молодой мужчина, лет на десять моложе своей сожительницы, из тех пухленьких домашних мальчиков, которые очень любят свою маму, тихо учатся в школе на четвёрки, таким же тихим ходом перетекают в возраст «за тридцать», сохраняя свою детскую розовую пухлость. Непонятно, каким образом они зарабатывают на свою скромную жизнь. Они совсем не коррелируются с офисным пространством и уж тем более с ярким автономным драйвом. Единственное, где они уместны – перед монитором с вечноживым GTA.

В ванной не было бритвы, да что там, во всей квартире не было ничего, что указывало бы хотя бы на временное проживание тут мужчины. И, тем не менее, очевидно, что он сюда пришёл «домой». Чем его держит эта запущенная ведьма? Своими спектаклями об умирании? Заламыванием рук? Может он извращенец, и в детстве смотрел не то порно? Или вот: строгая мама вообще не оставляла ему шансов на вечерние телепрограммы и сексуальное образование

и бедному малышу, жившему в одной комнате с лежачей бабушкой, под запах болезней и старости приходилось дрочить на соседнее окно, в котором сорокалетняя старая дева, не закрывая штор, переодевалась во фланелевую ночную сорочку. Точно. Я угадала.

Довольная своей сообразительностью, я протёрла влажной салфеткой обоссанный сапог, потребовала у извращенца оплатить мою работу, попросила впредь за массажем приезжать ко мне, подхватила свой чемоданчик с инструментами и с огромным облегчением смылась.

И лишь одна мысль мне до сих пор не даёт покоя: эти двое, они так гармоничны в их мерзком убогом существовании, в своём дешёвом позёрстве, имеющем ценность только для их ограниченного вонючей хрущёвкой мирка, что, наверное, они даже полагают себя счастливыми. Почему же я, такая умная, успешная, яркая, красивая, уверенная в себе, таскаюсь за любимыми мужчинами по отелям и чужим квартирам? Почему моё счастье завершается натягиванием вчерашних колготок, нежным поцелуем у двери, дежурным «спасибо, мне было хорошо»? Неужели необычным женщинам не положено обычного счастья?

Наверное его, этого счастья в мире ограниченное количество, и оно в утешение за убогость раздаётся только полоумным тёткам и тупым бабам.

Ну и фиг с ним.

****

Когда ты сломал ногу, мы были едва знакомы, но это не помешало мне примчаться в твою больницу.

Желание немедленно оказаться возле тебя казалось таким естественным, что критичность восприятия вернулась ко мне только когда я столбом стояла в духоте залитой формальдегидом огромной больничной палаты и на меня, от декольте до мизинцев в босоножках, смотрели со своих коек десять пар глаз, принадлежавших в разной степени покалеченным мужчинам.

Ты был спокоен, мудр и ласков, – ровно то, что совершенно срывает мою башку, и моя фирменная критичность восприятия, не успев вернуться, снова покинула меня. На этот раз, видимо, на несколько недель, потому что, когда тебя выписали, ты позвал меня сделать тебе массаж. Когда, спустя месяц, в телефонной трубке твоим голосом проворковало: «приезжай», моя Критичность так и не смогла достучаться до моего сознания, и, слабо пискнув лишь: «… так показаний к массажу-то нет!», была тут же изгнана твоим ёмким: «есть», и моя башка снова отключилась, теперь уже навечно.

Ты лежал в своей кровати, весело рассказывал мне сальные анекдоты, какие-то истории и сплетни, я смеялась и аккуратно трогала твоё тело. Владевшие мною чувства не могли заблокировать профессионализм, и в конце концов мы с тобою достигли правильного вегетативного ответа от процедуры. Уже почти засыпая, ты послал меня на кухню пить чай и рассказал, как потом найти выход.

Я сидела на по-женски ухоженной кухне, пила хороший чай из чьей-то красивой тонкого фарфора кружки, уютный летний вечер легонько позванивал тишиной, как будто вдруг я научилась слышать звук сталкивающихся молекул воздуха. Чашка с золотистым напитком дрожала в моих руках так мелко, словно стрелка радиоприёмника, пытаясь из белого шума моих ставших слышимыми молекул выловить какую-то мелодию. И наконец я услышала эту мелодию. Вернее сказать, это даже не мелодия, это мысль, которая ведёт себя как звенящий воздух – неумолимо и беспощадно, заставляя дышать своей музыкой. Она как отравленный водоём для рыбы, пропитывает её сущность независимо от того, понимает рыба свою обречённость или нет, собирается с этим бороться или оставит всё как есть.

Я сидела и думала: «Я люблю этого человека».

****

Ну вот она, твоя Зося. Ты рад?

июнь 2021, Опалиха

МАМА

Я её ненавижу. Намалюет себе губы как баба базарная, – и на блядки со своими горкомовскими. Это у них называется «по производственным объектам». Пару раз она брала меня с собой на эти «объекты». Не знаю, то ли мне хотела показать, какая она крутая и к чему я, дура, должна стремиться, то ли хахалю очередному своему похвастаться какая у неё дочь красивая выросла. А в последний раз, скорее всего, просто боялась, что я опять Гарика позову, пока её не будет.

Мы живём в горкомовском доме на улице Ленина. Я как раз в первый класс пошла, когда мы сюда переезжали, поэтому она и на линейку первую мою не пришла, у неё, видите ли, «машина с мебелью заказана». А я, между прочим, первый звонок давала. Это в школе такая традиция, открывать учебный год первым звонком: самый лучший десятиклассник берёт на руки самую красивую первоклассницу и несёт её целый круг вдоль всей линейки. Она когда меня привела в школу записываться, завуч так и отпала: «Ах, какая красивая девочка! … И читать уже умеет? Мы её поставим первый звонок давать! Вы не возражаете, Вера Михайловна? Разрешите ваш телефончик, на всякий случай…».

А «телефончика» -то у нас и нет! Вот тоже дурость маменькина. Ведь удобно же, когда телефон в квартире! Нет, она отказалась по принципиальным соображениям, чтоб не беспокоили в нерабочее время: «Скорую и милицию можно из автомата бесплатно вызвать. А для личных звонков две копейки в доме всегда найдутся. Слава богу, при развитòм социализме живём, четыре телефона-автомата возле нашего дома и переговорный пункт напротив имеется».

Я со стыда сгорела, когда Гарик меня о телефонном номере спросил. Гарик хоть и из бэшек, (в «А» классе мажоры вроде меня, а в «Б» с родителями попроще записывают), но даже у него телефон есть. У него вообще родители классные и в квартире такой ремонт, что закачаешься. Всё как на Западе: стены деревом обиты, люстры никакой нет, только бра регулируемые и полки встроенные, в стене есть специальное углубление для проигрывателя, а пластинок… целая гора, и все иностранные, не Зыкина какая-то, а АББА, БониМ, Скорпионс. Но квартирка маленькая, конечно, две комнаты всего. Одна под гостиную сделана, там мы и сидели, а другая – спальня, получается… Это что же, они там все скопом спят – и родители и Гарик и сестричка его? Папа его сам всё в квартире делал, своими руками. Родители очень обрадовались, когда я к ним в гости пришла, мама пошла кофе готовить на кухню, а папа меня в гостиную повёл и на диван у стеклянного журнального столика предложил сесть. Тут неудобно получилось: я в мини была, на диван плюхнулась, ноги выше головы задрались и трусы видны. Гарик покраснел весь, а папа сглотнул слюну и пошёл пластинку ставить, чтоб позора моего не видеть. Мама из кухни с подносом пришла, а у нас картина маслом: Гарик стоит в ступоре как варёный рак, красный, с выпученными глазами и кажется даже парится от напряжения; папа иглу на пластинку поставить не может, руки трясутся; и юная девица кружевными трусами кверху на диване в позе одинокой берёзки вставлена. Мама Гарика сначала забеспокоилась, – бросила суетливый взгляд в папину сторону, но когда поняла, что папа на мои импортные прозрачные трусы, которые я у мамы из шкафчика стащила, не смотрит, облегчённо улыбнулась, поднос с кофе на столик поставила, руку мне подала, из дивана выдернула, откуда-то табуреточку выдвинула, туда меня усадила и по плечу похлопала. На Гарика посмотрела сочувственно, но его выручать не стала, а подошла к папе: «Может коньячку в кофе?». И так у неё всё споро и естественно вышло, будто ничего и не было. Разрядила, как говорится, обстановку.

У нас кофе никогда не варили. Мама всегда себе в спецпаёк растворимый брала. И очень зря! Настоящий кофе должен быть в зёрнах, причём необжаренный. Процесс приготовления кофе – это таинство. Сначала нужно пожарить зёрна до появления божественного аромата, затем помолоть на ручной мельнице, а после варить в медной турке три раза снимая едва закипающий напиток с огня… Это мне папа Гарика рассказывал. И хотя, конечно, наш кофе был уже куплен в далёкой Бразилии жареным и даже молотым, расфасован на советской фабрике в советские картонные коробки с пятигранным знаком качества, сварен в оловянной кастрюльке на микроскопической кухне с газовой плитой, которая питается северным голубым потоком, который в свою очередь проложили советские комсомольцы-ударники, положив туда свою молодость и здоровье, всё равно было сказочно приятно пить горькую кашицу с едва уловимым запахом коньяка под звуки Белого альбома Битлз.

У нас с мамой трёхкомнатная квартира в горкомовском доме. Даже не хочу предполагать, каким местом она её получила, хотя известно каким… Тем же самым, которым она получила свою должность. Впрочем, сейчас она измельчала. Сейчас у неё в основном производственники в ухажёрах, эдак скоро слесарей водить начнёт. Последний, дядя Паша, кажется слесарь и есть, во всяком случае, очень похож повадками. Неприятный тип.

Тётя Клава, соседка, очень нам завидует, они-то впятером в двухкомнатной. И немудрено. Муж – зам. по культуре, а она – секретарша при нём. Какая культура, такие и блага! Хотя, с мамой у них нормальные отношения, мама всегда просит тётю Клаву за мной приглядывать, ключ у неё есть.

Она-то, тётя Клава эта, нас с Гариком и застукала и ввечеру, конечно, маменьке заложила. Это было в четверг, ещё на каникулах. Боже, какой случился скандал! Оказывается, это я у нас потаскуха и блядь каких свет не видывал, а ещё, конечно, неблагодарная мразь, испортившая своей матери жизнь. Это потому, что я потеряла СВОЮ девственность на ЕЁ диване, в ЕЁ гостиной. Моя девственность, между прочим, – это единственное что принадлежит только мне, а диван её я от крови своей замыла, даже следов не осталось. И, конечно, ей глубоко наплевать на то, что я девственность эту отдала любимому человеку, самому лучшему человеку на свете, и у него, между прочим, нормальная мама, которая приносит кофе вместо того, чтобы орать и обзываться. Школу закончу и уйду от неё к Гарику, пусть одна кукует в своих безвкусных пошлых хоромах.

В пятницу она потащила меня на свою работу. Даром, что ехали мы на служебной Волге, всё равно дышать от пыли было нечем. Две беды в России – дураки и дороги.

Дядя Паша оказался парторгом на мебельной фабрике, расположенной в таких ебенях, о которых я только в сводках по району читала.

На фабрике этой всё завалено каким-то мусором, обломками и обрезками, как после бомбёжки. А тут мы с маменькой: такие фифы на каблучках, она в костюмчике льняном, я в платьице мини, а-ля французская школьница. И обе в колготках, потому что голые ноги – это дурной тон, даже в жару порядочная женщина должна надеть тонкие нейлоновые колготки.

У них было душное совещание в скушной комнате, посреди которой кружила жирная жужжащая муха. Думаю, это был мух, такой же жирный, назойливый и никчёмный как дядя Паша, которому моя нравственная маменька раздавала недвусмысленные авансы «жаркими» взглядами и пошлыми подхихикиваниями. Это вульгарное поведение настолько несоответствовало её строгому опрятному виду, как перевод в фильме «Анжелика» не соответствовал тому, что происходило на экране: когда великолепная Анжелика, одним взглядом, брошенным из-под густых ресниц, поднимает бурю страсти в сгорающем от нетерпения юноше, он почему-то строгим закадровым голосом вышколенного КГБэшника говорит ей что-то постное типа: «Вы прекрасны, мадам». Но, если честно, нам с Гариком было всё равно, что КГбэшник говорит Анжелике, потому что мы выглядели как взрослые. Недаром нам два раза продали билеты на этот фильм, где мы неистово целовались два сеанса подряд, а потом пошли ко мне…

В выходные, после того, как нас с Гариком застукали, маменька со мной не разговаривала. И слава богу, потому что, я бы точно не удержалась сказать ей всё, что о ней думаю. А после, всю неделю я ходила в школу. По будням мы и раньше с мамой не особо общались, она приходила поздно, у меня уроки. А сейчас меня ещё тётя Клава с пристрастием пасла, по маменькиной просьбе, понятно.

Я очень ждала субботу. Во-первых, в субботу у нас в школе английский день. У нас ведь не простая школа, а «с изучением ряда предметов на английском языке», сюда берут только лучших в городе. Раньше было больше уроков на английском, теперь остались только английская литература, география и технический перевод, всё поставили в субботу, по два урока, как пары в институте, так что суббота у нас – английский день.

Пока мы с маменькой «не разговаривали», я от нечего делать переделала все уроки, включая субботние. На литературу нам задали прочесть и пересказать рассказ О. Генри «The Gift of the Magi». Мне так понравился рассказ о бедных и гордых влюблённых, что я чуть ли не выучила его наизусть. Интересно, у них что, не было родителей, почему они так бедствовали?

А во-вторых, в субботу мы договорились с Гариком опять пойти на Анжелику, теперь уже на вечерний сеанс, а потом он… боже как он загадочно сиял при этих словах: «Ты можешь отпроситься на ночь? У меня для тебя сюрприз…». Да плевала я на «отпроситься»! Было б у кого отпрашиваться! Уйду и всё! Только записку у себя в комнате оставлю: «Не волнуйся. Буду утром».

В субботу в школе я была звездой, я щебетала на инглише как Мерлин Монро, сокрушаясь о бедности нью-йоркских влюблённых прошлого века и восхваляя их пролетарскую независимость, клеймя загнивающий капитализм не хуже ведущего «Международной панорамы» и, кажется, мой английский был бы оценён даже при лондонском дворе, во всяком случае, за этот урок я заработала аж три (!) пятёрки.

В два сорок я была уже дома. И сразу в ванную. У меня сегодня вечером СВИДАНИЕ. Только одна ЕГО фраза за целый день: «Ну, что, в семь-тридцать у кинотеатра Октябрьский?», – но зато сколько она для меня значит!

В пол-четвёртого я начала готовиться. Стрижка короткая, укладки ноль, хорошо, меньше мороки. Лифчик и трусики. Тут выбор небольшой. Собственно, у меня только один «взрослый» комплект, остальное надевать даже в школу стыдно. Колготки есть новые, надену. Платье? …Нет, бриджи с кофточкой. …Нет, всё-таки платье. Платье привлекательней, и снимать легче. От последней мысли я покраснела. Туфли возьму выпускные, чешские лодочки на каблучке. Мама будет ругаться, но ничего, я скажу: «Разносить же надо, чтоб не натёрли, на выпускном всю ночь в них гулять придётся».

Платье и кожаный поясок к нему я красиво разложила на своей кровати. Надела лифчик, трусики и колготки.

Звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Я выглянула из комнаты. Моя и мамина спальни выходят в гостиную, а оттуда видна входная дверь. Дурацкая планировка.

Мама уже открывала. Никогда не спросит: «Кто там?», сразу за дверь хватается. Если б у нас не автоматическая защёлка была, она бы, наверное, вообще двери бы не закрывала. Такая доверчивая, думает в сказке живёт.

На пороге качался дядя Паша, пьяный в жопу. Я остолбенела. Кажется, он своей мерзкой тушей занял всю прихожую и ещё немного гостиной. Он явно что-то хотел сказать, но получалось только мычание. Мутными глазами он водил по маминой фигурке и приподнимал одну руку будто в подтверждение своей пламенной речи, но рука оказывалась такой неподъёмно-тяжёлой и совершала совершенно не те движения, которые от неё требовались. На это даже смотреть было мучительно, а уж как ему было тяжело, бедненькому, наверное…

И тут он остановил свой мутный взгляд на мне. Есть такая игра с шариком в коробочке, где нужно поворачивать коробочку чтобы маленький блестящий шарик закатился в лунку. Взгляд у этого пьяного чудовища был такой, как если бы шарик превратился в тяжеленное огромное чугунное чёрное ядро и натужно катался от стены к стене, гулко ударяясь, осыпая штукатурку под обоями, подминая под себя всё сущее и поглощая обломки в себя, от этого увеличиваясь и тяжелея как снежный ком. Пьяная голова дёрнулась, будто её встряхнули, тупой взгляд вперился в меня, ядро покатилось и ухнуло прямо по мне. Дядя Паша перестал качаться, выпрямился, отчего стал ещё больше, наконец, овладел своей рукой, будто тряпочную куклу отшвырнул маму на стенку коридора и не отводя от меня глаз громко и отчётливо произнёс: БЛЯДЬ.

Только теперь я поняла, что стою в неглиже перед пьяным невменяемым зверем и тут же юркнула в свою комнату. Уже закрывая дверь, я увидела, как мама пытается вытолкать его из квартиры, а этот гад прёт всей тушей. Мне стало даже немного смешно, привиделась мультяшная сценка будто белка пытается сдержать трактор.

Некоторое время была возня, потом затихло и мне стало по-настоящему страшно. До этого тоже было страшно, но по-другому, от несоответствия происходящего здравому смыслу и нормальному человеческому существованию. А тут навалилось такое чёрное и неподъёмное, что даже дышать нельзя было. Моё сердце, прежде колотившееся как ненормальное, вдруг перестало стучать, под грузом этого невозможного страха оно превратилось в крохотный напряжённый комочек, не в силах сделать ни одного движения. Я будто увидела себя со стороны: «Когда я успела сесть на кровать? Платье разложено. Хорошо, что села рядом, значит не помну»».

Дверь отлетела вбок и хрустнула. Надо же, я даже представить не могла, что можно так эффектно двинуть моей дверью. Он стоял, занимая собой весь дверной проём, всё такой же отвратительный и пьяный, но… только в руке у него был молоток. Наш молоток. А на нём прядь маминых волос и кровь. Интересно, подумала я, как это он нанёс удар, чтоб одновременно ещё вырвать волосы и могла ли мама после такого удара выжить. А когда он опрокинул меня на кровать, я стала думать о том, что молоток этот лежал ведь в кладовке и почему он вдруг так некстати оказался в маминой комнате. Потом мне стало жалко новых колготок, лопнувших под жирными пальцами урода. Похоже, трусы он тоже разодрал. Я уже ничего не чувствовала, кроме его запаха.

Он вонял водкой, прогорклым маслом и резким до тошноты пòтом. Всё это продолжалось бесконечно долго. Я подумала, что надо что-то делать. И я стала считать его движения. Раз, два, три… с его отвисшей губы капнуло, четыре, пять, шесть… мне стало тяжело дышать его миазмами. Я отвернула голову, девять, десять… Прямо перед моими глазами лежал молоток, с заострённого его конца свисал наполовину прилипший к металлу маленький белый лоскуток кожи с нелепо растущими из него мамиными волосами. Я закрыла глаза. «Ёппаный в рот, – прорычала пьянь, – не могу кончить», и слезло с меня. Потом его стошнило. Прямо на моё платье. Он его скомкал, подтёрся и отбросил в угол.

Когда он ушёл, я отползла в угол кровати, сжалась и натянула на себя плед. Внутри было пусто, как будто оттуда вынули самое главное, как если бы можно было из сливы вынуть косточку, не надрезая мякоть. У меня больше не было мамы.

Стемнело, пришёл Гарик. Видимо дверь оставалась открытой. Он не вошёл, испугался, позвал тётю Клаву. Вызвали милицию. Свитер мне дали и джинсы, а трусов не дали, не сообразили. Сначала подумали, что я убила. Я говорить не могла, да и не хотела. Забрали в психушку. Долго спорили куда меня везти, вроде как я уже не ребёнок, но и несовершеннолетняя ещё. Потом всё-таки решили во взрослую психиатрическую.

Там что-то вкололи. Утром пришёл милиционер с допросом. Я не смогла разомкнуть губ. Не получалось. Только головой двигала, но не уверена, что в правильную сторону. Хотя,

кажется, он понял. «Ты маму убила?» – я покачала головой. «Я так и думал», – сказал он и просиял гагаринской улыбкой.

Сколько-то дней ко мне никто не приходил. Я всё ждала Гарика, или на худой конец тётю Клаву, но никого не было. И вообще никто со мной не разговаривал, даже врачи и медсёстры. Но я хорошо кушала. Здесь было очень похоже на детский садик… Когда я была в детском садике, мама меня всегда спрашивала, забирая из группы: «Ты сегодня хорошо кушала?». Я старалась запомнить всё, что давали на завтрак, обед, полдник и ужин. И если бы сейчас она меня спросила, я бы ей подробно рассказала, как меня здесь кормят.

Однажды, наверное, недели через две, приехали с милицейской машиной и повезли меня на опознание. Они вычислили дядю Пашу. Меня ввели в комнату, поставили перед несколькими мужчинами и сказали показать на того, кто был у нас в квартире в тот день. Я показала. Меня некому было везти обратно в больницу, поэтому посадили ждать машину на диванчике в комнате у следователя.

Чудно̀е дело, когда человек не может говорить, все вокруг думают, что он также ничего и не слышит. Все, кто приходил давать показания здоровались, косились на меня, молоденький следователь устало сообщал: «Она не разговаривает», – и я превращалась для них в мебель. Эдакий безмолвный цветок в кадке, у которого убили маму. Всего-то.

Сначала допрашивали жену дяди Паши. У него, оказывается, полный комплект: жена и две дочки. Обрюзглая некрасивая женщина много плакала и беспрестанно божилась о чём-то.

Директор мебельного комбината, осиротевшего на одного парторга, принёс положительную характеристику, распечатанную в трёх экземплярах.

Секретарь райкома сам не смог приехать, но долго и громко булькал в трубку что-то очень поддерживающее их сотрудника и сожалеющее о недоразумении.

Гарик пришёл с мамой. Она скользнула по мне взглядом, будто холодная змейка проползла бочком и больше не отводила глаз от того, что писал следователь.

…«Мой сын несовершеннолетний, говорить за него буду я»… «Нет, это не он обнаружил тело, он вообще до приезда милиции в квартиру не заходил»… «Его пригласила одноклассница делать вместе уроки»… «Ну и что, пришёл с цветами? Разве это запрещается?»… «Вы что? Какие отношения? Нет, они даже не гуляли никогда вместе»…

Когда молоденький следователь объявил, что допрос окончен, мама Гарика немного расслабилась и заговорила уже нормальными фразами: «Скажите, этот протокол может повлиять на характеристику?»… « Нам в институт поступать, Игорь идёт на золотую медаль»… «А можно не подписывать?»… «Я, знаете ли, в Институте работаю, у меня допуск есть, вы же туда ничего не сообщите?»… – и, уже безнадёжно упавшим, но вполне человеческим голосом, – «Впрочем, они всё равно всё узнают… Накрылась моя командировка в капстрану»…

Гарик смотрел то в пол, то на маму… и ни разу на меня.

Тётю Клаву допрашивали последней. Оказалось, этот дядя Паша её родственник.

«Он был невменяемым, точно вам говорю! Выпил лишнего.»… «Она сама виновата, – это она про маму, – водила его за нос… А он, между прочим, женатый мужчина»… «Он из-за неё даже семью хотел бросить!»… «Она вообще его шантажировала, грозилась с должности снять»… «Может он вообще защищался!»… Последняя мысль, видимо, ей очень понравилась, тётя Клава всем своим существом подалась в сторону этой мысли: «Что?… Какую девочку? …. Эту что-ли?…»… Тётя Клава быстрым движением глаз стрельнула по мне, будто в первый раз меня видела, скривилась в кислую гримассу и отрезала: «Нет, исключено!»… «Ну и что, что нашли голой?»… «Эта, знаете ли ещё та оторва, яблоко от яблони недалеко падает»… «Ей ещё семнадцати нет, а она уже водила к себе кобелей разных. Мы ж соседи, я всё видела»… «А она точно не слышит?», – всколыхнула в себе остатки совести добрая женщина… – «Ах, не говорит, но всё слышит»… Соседка замялась на секунду, новая прекрасная мысль озарила

её справедливое лицо и прибавила энергии её обвинительной стратегии: «Ну, я вам, товарищ следователь скажу, она ведь не в себе… «того», то есть… Думаете её просто так в сумасшедший дом определили? Я давно за ней замечала»… «Ах, по протоколу определили, ну…», – и она замолчала, но не от стыда, разумеется, а вконец запутавшись.

Потом пристально посмотрела на меня, поджала губы, наклонилась к следователю и стала с жаром на него шептать, закладывая пальцы, будто училка, перечисляющая спряжения. «Так что, – закончив, она встала королевной, нависая над следователем, – не нужно никаких экспертиз»… И сквозь зубы, словно делая одолжение процедила: «Пожалуйста, товарищ лейтенант, сделайте как надо, это ведь и в ваших интересах».

В больницу меня вернули к ночи.

А наутро все как с цепи сорвались. То пописай им в баночку, то кровь сдавать, то зрачки смотреть, то гинекологу показаться. Несколько раз к главврачу водили. А меня как заклинило, – не могу говорить и всё тут.

Потом, видимо, были выходные, потому что врачей никого не было, только медсёстры и медбратья.

На третий день меня снова привели к главврачу. Приятный, спокойный дядечка, с лысиной и бородкой. Сейчас мало кто носит бороду, только разве что полярники. Но у этого была остренькая, как у врачей на дореволюционных картинах.

Когда он дошёл со своим молоточком до моих коленок, в кабинет влетела тётя Клава. Даже не взглянув на меня, она победно шлёпнула на стол перед «Бородкой» какой-то листок с печатью и размашистой подписью: «Вот ваша очередь на Волгу. Спасибо, товарищ. Суд завтра. Судье тоже пришлось кое-что пообещать, но он сказал, что вашего заключения о временной невменяемости будет вполне достаточно… И, ещё, знаете что…» Голос её сделался мягче и ласковей. Она даже не смотрела в мою сторону. Казалось, на мне надета шапка-невидимка.

Бородка чуть приподнял меня и тихонько подтолкнул: «Иди, сядь пока на кушетку, детка». Кушетка стояла между двумя шкафами. Один был набит картонками с ампулами, а другой до предела забит бумагами, так, что казалось вот-вот эти бумаги, не выдержав внутреннего напряжения выпрыснут и разлетятся по всей комнате. Я села и от греха подальше прислонилась к ампульному шкафу.

Что-то взбудоражило меня. Что? Что-то праздничное и родное одновременно. Несколько секунд мои мысли блуждали в поисках ответа. На-конец я узнала. Мамины французские духи. Соседка взяла их из маминого шкафа. Мразь.

– Знаете, у меня есть личная просьба к вам лично, – продолжала мерзавка. Бородка какбы безразлично перебирал бумаги. Она приподняла пакет с надписью Мальборо и несколько подавшись вперёд, так что её внушительные сиськи легли аж до середины стола, доверительно заворковала:

– Видите ли, мы с мужем, двумя детьми и больной свекровью занимаем двухкомнатную квартиру рядом. Мы первые на очереди на расширение. А девочке ведь всё равно, – тётка презрительно двинула частью плеча в мою сторону, – она ведь теперь ваш пациент…

– Позвольте, – поднял на неё глаза Бородка, – но даже если б я мог, я не могу без решения органов опёки…

– А с опёкой мы договорились, – выпрямившись, уверенно затараторила скотина. Вы только заключение дайте вот такое… и она положила перед эскулапом тетрадный листок в клеточку с тремя написанными на нём словами. А внизу цифры. По-видимому, цена вопроса.

«Сколько у неё ещё листков заготовлено по мою душу?» – равнодушно подумала я. Мне хотелось избавиться уже от ощущения, что именно сейчас мою судьбу перекраивают липкими от нечистот руками, зарыться под одеяло, думать о маме, мысленно разговаривать с ней, как будто она живая.

Бородка прочитал листок: «Но это же неправда. Девочка всего лишь не может говорить из-за шока. Это пройдёт. Вы же навсегда её запрёте здесь с таким диагнозом!» Голос его слегка дрожал неуверенностью. Заветные кругляшки нолей в цифре сулили не только машину Волгу, но и достроенный кирпичный дом под черепичной крышей в дачном посёлке «Урожай», новый цветной телевизор, приличный шерстяной костюм и ручку с золотым пером.

В дверь постучали и не дожидаясь вызова тут же вошли. Это была гинеколог, смотревшая меня в пятницу. Она молча положила перед Бородкой два листа один за другим. Тот взял один. Потом другой.

– Какой срок?

– Четыре недели всего. Надо делать чистку и сообщать об изнасиловании, – гинекологу было плевать на всё происходящее. Она констатировала факт и размашисто вышла из кабинета.

Тётя Клава покачала головой, поджала губы и исправила на клетчатом листочке цифру один на цифру два.

…Я знала! Я чувствовала! Больше всего сейчас, когда я потеряла маму, я хочу ребёнка! Даже если Игорю не разрешат на мне жениться, даже если придётся устроиться на самую позорную и низкооплачиваемую работу, даже несмотря на то, что я осталась совсем одна! Я сразу всё придумала. Экзамены я сдам, через два месяца ещё будет незаметно. Потом устроюсь на работу. Поселюсь в общежитии. А потом как-нибудь…. Вон, Маринка из параллельного класса, вообще после восьмого родила. Скинулись ей на коляску и пелёнок накупили…. У неё, правда, мама была… А у меня уже нет, поэтому я должна действовать!

Я спокойно встала с кушетки, посмотрела Бородке в глаза и чётко произнесла: «Я не буду делать аборт. Это ребёнок не от преступника».

Клетчатый листочек в руке Бородки задрожал мелкой дрожью. Он побледнел. А тётя Клава, напротив, вопреки моим ожиданиям, подбоченилась, откинулась на стул. Её сиськи колыхнулись как холодец, и она сказала: «Видите, товарищ доктор. Теперь, когда она говорит, и вполне связно, теперь и вам на руку подписать очевидный диагноз!»

Бородка долго и виновато смотрел на меня. Он не колебался, решение он уже принял, теперь ему нужно было найти себе оправдание. А это, видимо, как раз получалось плохо. Потом он поднял трубку с бежевого телефона и, не набирая никаких цифр, коротко сказал: «Снегирёву в четвёртую. Аминазин десять. Готовьте операционную в гинекологическом… Что? Нет, местный, конечно… Нет, гинеколог уже здесь… Да какая мне разница?…» В трубке снова вопросительно булькнуло. Доктор ещё раз посмотрел на меня, теперь уже оценивающе, и добавил: «Не нужно. Сама пойдёт.» Бородка подчёркнуто-интеллигентно клацнул об рычажок аппарата, с усталой гадливостью посмотрел на тётю Клаву и с трудом выдавил из себя: «Уходите уж».

Я сказала ей: «Кто тебе разрешил брать мамины духи? Будь ты проклята, мразь». И пошла к двери, которую уже открывал для меня санитар.

август 2021, Стрельна

КОЛДОВСТВО

Поначалу у всех немного кружится голова…

– Одно хорошо, – продолжала Королева. – Помнишь при этом и прошлое и будущее!

– У меня память не такая, – сказала Алиса. – Я не могу вспомнить то, что ещё не случилось.

– Значит, у тебя память неважная, – заявила Королева.

Л. Кэролл

Вообще-то я ничего такого не имела ввиду…

Я взрослая, серьёзная, успешная женщина, я всего добилась сама, честным путём. Да и меня тоже никто не обманывал. Всё произошло ровно так, как мне обещала выцветшая учительница географии, вынужденная проводить никому не нужный классный час, совмещённый с комсомольским собранием, потому что просто на собрание, без её присмотра, после уроков никто бы не остался: «Будешь хорошо учиться, поступишь в институт, получишь хорошую специальность и будешь приносить пользу Обществу». Так и вышло.

Если отбросить эмоциональные и политические ярлыки, а оставить только голые факты, так и есть. Из школы я вышла с золотой медалью, поэтому в Баумана меня зачислили без экзаменов. Когда на руках у меня был красный диплом, бесполезный в быту муж-учёный и прекрасная годовалая дочурка, оказалось, что «надо ехать».

Заветное приглашение было оформлено только на умного мужа. Как-то лихо повернулось, что «…надо развестись…» и «…вы приедете позже, когда Польза подрастёт, а я встану на ноги…». Пока он вставал на ноги, заодно оформив с милой американкой «фиктивный» брак, от которого почему-то родилось трое вполне реальных детей, я приносила пользу Обществу, таская из Турции многопудовые баулы.

Общество в виде бандитов, крышующих рынок и, как входящее в него подмножество, мою палатку №4—23; а также Общество в виде скандальных покупательниц, желающих за десятую часть своей невнятной зарплаты получить «ровную строчку» и «обмётанные петли», – все они почему-то полагали меня хапугой и аферисткой, наживающейся на этом самом Обществе.

Я не обижалась, не моё амплуа. Но в этом нет моей заслуги, просто в палатке №4—24 Танюша торговала книгами, а я, привыкшая регулярно почитывать несколько более сложные тексты, чем ценники и авиабилеты, стреляла у неё на вечерок-другой попадавшиеся среди бог знает какого бреда, вроде трактатов о нашествии рептилоидов на планету, исповедей наследственных целителей о том как вылечить четвёртую стадию рака простаты настоем коры дуба, хорошие книги. В хороших книгах я прочла здравую мысль, тут же запавшую мне в душу, о том, что никакие ответные меры, ограничения, репрессии и насильственные действия вроде военных кампаний, даже если они преследуют самые благородные цели, ни разу не принесут пользу ни человечеству в целом, ни каждому человеку в отдельности. А спасёт мир, разумеется, красота, но не сама по себе, а как производная от просвещения и хорошего образования.

Книг тогда издавалось много и их производство почти ничего не стоило. Неутомимое в своей лубочной прямолинейности советское государство оставило после себя огромное количество печатных мощностей, обеспечивавших ему толерантность самого читающего населения в мире с помощью мегатонн бездарной полиграфии.

Книги были немыслимо дёшевы ещё и по другой причине. То было чудесное время. В том смысле, что это было время чудес. Бумага, краска, клей, нити, скобы, короба, – все эти дорогостоящие расходники либо воровались, либо приобретались за немыслимый в своей непредсказуемости бартер. А люди! Наши люди не представляли себя без пятидневной рабочей недели. Они с упорством заклинившего газировочного автомата на радость школьникам без устали выдающего одну порцию газировки за другой, безо всякой надежды на зарплату, приходили на рабочее место хотя бы для того, чтобы на очередном собрании выбрать очередного пройдоху своим начальником.

Володя, Танюшкин муж, оказался неплохим предпринимателем. Волшебным образом за несколько тонн бесплатно доставшегося ему картофеля, после десятка невероятных экономических кульбитов, он материализовал себе в собственность небольшую, но исправно работающую типографию и две бутылки Амаретто в довесок.

С благо̀й вестью и пойлом он припёрся к нам на рынок. Приняв на троих 1600 грамм дрянной настойки на вишнёвых косточках, мы рванули в «наш» цех. Там поднаторевший на митингах Володя двинул для пролетариев от печатного дела трогательную речь о том, что мы их не бросим и уже назавтра завалим не только работой, но и достойной зарплатой и, широким жестом выпившего добряка, неожиданным экспромтом представил им меня, их нового директора и владельца.

Я улыбалась и кивала головой, которая наутро болела не столько от похмелья, сколько от обязательств перед Обществом этих нехитрых работяг, которым я по пьяни пообещала принести пользу.

Мне повезло с подругой. У неё оказался не только щедрый муж, но и недюжинный организаторский талант, а также редкое для женщин умение бескорыстно дружить даже с теми, с кем работаешь.

В общем, сказочным образом вышло так, что теперь, спустя 16 лет, я – совладелица успешного бизнеса, а Танюша – моя самая лучшая подруга.

****

На новый год как всегда вскладчину на несколько семей сняли коттедж в Финке. Затейница Танюша, чтобы разбавить каникулярное чревоугодие хоть каким-то подобием интеллектуальной деятельности, прикупила к святкам карты таро.

Утро первого января – самое волшебное время в году. Во-первых потому, что все на свете не спят ночью и утро для всех начинается сильно после полудня, это избавляет хронических сов вроде меня от чувства вины и ощущения, что ты проспала пол-дня и тем самым пропустила пол-жизни.

Я вышла на крепкий морозец серого финского утра, кошкой потянулась навстречу свежести и вернулась в гостиную к хорошей кофеварке и остаткам новогоднего стола. Это был редчайший случай, когда я встала раньше всех. С достоинством ранней пташки, которой бог подаёт, я села на табуретку, воплощающую в себе дух финского минимализма и принялась читать сопроводительную брошюру к картам таро.

Я не поняла ничего. Арканы, символы, знаки, цифры, аспекты толкования в зависимости от окружения и прочие закидоны мутно-мистического путеводителя по тайнам карт единственно навели меня на мысль о том, что писал его человек очень неуверенный в себе и совершенно незнакомый с предметом.

Чудо случилось, когда я в шутку предложила Наташке, второй спустившейся к завтраку, погадать. После того, как Наташка «позолотила мне ручку» обёрткой от «Мишки на Севере», меня накрыло. Дешёвые принты цыганских карт, бездарно стилизованные под средневековые гравюры, заговорили. Кудрявые мальчики с мечами и кубками, надменные королевы, суровые маги и безапелляционные отшельники принялись мне подмигивать, кивать друг на друга и рас-

сказывать прямо в мой мозг вполне современными понятийными шаблонами всё что было, что будет и на чём сердце успокоится. Я едва успевала транслировать вслух их болтовню. Но хуже того, когда ошалевшая Наташка слабо пискнула: «Что же мне теперь делать?», я, не моргнув глазом, не дрогнув ни одним членом, послюнявив пальцы, вытянула из колоды и хлопнула перед Наташкой карту «Правосудие». «Вот, – победным тоном сообщила я, – надо разобраться с документами». «Причём, – неизвестно откуда всплыло у меня в голове, – на той бумаге что тебе нужна сверху стоит красный логотип, а подписал его человек на букву «С»….

Покидала я родину безвестным рядовым издателем, а въезжала назад – широко известным в узких кругах медиумом. Но меня это не устраивало.

Я – патологическая отличница. Мне нужно знать «как и почему ЭТО работает», желательно ещё изучить разделы «Warning» и то, что обычно пишут мелким шрифтом. Только после того я смогу «этим» пользоваться. Со свалившимся на меня даром надо было что-то делать и я принялась искать.

Первое, что меня неприятно поразило: нормальные школы чародейства и волшебства существовали только в фантазиях английских писательниц и были лишь средством обеспечивавшим работу издательствам.

Ведьмы и потомственные целители, коих я нашла немало благодаря своим знакомствам на телевидении и в администрации президента, оказывались самозванцами. Я вовсе не хочу сказать, что они не обладали способностями, некоторые из них очень даже обладали и о-го-го какими! Просто они даже примерно не понимали, КАК это работает, они были просто пользователями своего дара.

Некоторые спокойно мне об этом сообщали, после чего мы мило беседовали у них на кухнях или за столиком кафе, по тому, где была встреча и развлекались угадыванием картинок, чтением писем в запечатанных конвертах, постановкой диагнозов на расстоянии и двиганием предметов, в зависимости от того, к чему у моего визави была склонность.

Другие же, напротив, вели себя как перепуганные дети, застуканные за поеданием шестого килограмма шоколадных конфет – кто-то враждебно, кто-то агрессивно. Одна даже пыталась меня убить, чем вызвала во мне нездоровое веселье. Смеялась я зря. Хорошо, что неделей раньше один милый дядечка научил меня «ставить зеркало» или, как он это называл «проваливать магическую атаку», – через три дня после моего визита неудачливая мстительница за моё любопытство и свою самонадеянность поплатилась летальным сердечным приступом.

Тогда я поехала на Восток. Обхождение Анапурны не принесло мне никакой информации. Поход был плохо организован, все опаздывали и путали время, договорённости не соблюдались, а выше двух с половиной километров вверх пропала и связь, равно как и без того невеликая способность людей слышать друг друга. В общем, всё это сильно смахивало на студенческий альпинистский кружок на выезде в Крым, только горы покруче и воздух пореже.

Катманду, особенно после трипа вокруг Анапурны, оказался шумным вонючим и интуитивно опасным городком, с высокой концентрацией шарлатанов.

И вообще, этот город обидел меня: прямо с порога он подсунул мне ушлого тощенького мальчишку лет пятнадцати, который на неплохом по индийским меркам английском скороговоркой сообщил какие достопримечательности города я обязана посмотреть в его компании, а затем сладким голоском болливудского ангелочка пропел: «Would you buy me for a night, mum?»[1]. Сначала коротко по-русски, а затем развёрнуто по-английски я объяснила нахалёнку в какое место ему следует идти наперевес со своим недоразвитым членом, предварительно отмыв его. За свою первую реакцию мне стало стыдно, поскольку уже к концу тирады я начала понимать, что обидел меня не предполагаемый равный интеллекту размер приборчика, а то,

[1] «Вы купите меня на ночь, мамуля?» (англ.)

что непальский беспризорник по умолчанию поместил меня в разряд старух, покупающих себе мальчиков. Я взяла себя в руки и заплатила придурку пять долларов за то, что он меня проводит в хороший книжный магазин.

Мальчик отработал свои пять баксов сполна. Книжная лавка «Пилигрим» вне всякого сомнения была особенным местом, хотя бы потому, что там я услышала Музыку… Не так. Я её не услышала, а стала ею, как струна становится звуком. Заворожённая, я шагнула внутрь.

Несколько часов я кружила между причудливо расставленных полок, вынимала книжки, ставила их обратно, будто искала что-то определённое. Я не знала, что именно мне нужно, но всякий раз понимала, что ищу «не это». Дурацкое ощущение.

Наконец я нашла её. Как птица точным броском вытаскивает из коры зазевавшегося червяка, так и я мгновенно определила эту книжку, стоило мне только сфокусировать взгляд в нужном месте: «Наследие ведьм», издание 1963 года, название Университета, США. Тираж 300 штук.

Заклинания всех времён и народов, сваленные в одну кучу безо всякой системы. Сумасшедший профессор безвестного американского универа положил свою жизнь и все свои сбережения, чтобы напечатать в небольшой институтской типографии минимальное количество экземпляров лишь для того, чтобы один из них нашёл меня на кривой улочке Катманду.

– Привет. Вот и я. – сказала я чёрной обложке, изъеденной жуками, – Похоже, ты натерпелась пока меня ждала.

Книжка числилась в антикварном разделе и продавалась за 500 долларов, у меня в сумочке лежало 380 и обратный билет назавтра. Продавец, неприятный тип с угрями на лице торговался до умопомрачения, пока не убедился, что вытряс из меня всю наличность. Уставшая от торга, но с заветной книжкой, переступая из магазина в улочку, я со всей злостью на обобравших меня до нитки непальцев в сердцах по-русски бросила: «гори здесь всё синим пламенем»… Уже в Дубаи я узнала о страшном пожаре, выжегшем легендарный «Пилигрим» дотла.

Через пару недель после моего возвращения из Непала, моя дочь Польза закатилась ко мне в гости со сметанным тортиком, бутылкой de'Castle и новостью о своей влюблённости. Мы долго и задушевно говорили с дочкой о «настоящем», но, похоже, так и не поняли друг друга.

– Мам, ну как ты не понимаешь, – говорила мне моя прогрессивная дочь, – на физическом плане это ничего не значит. Есть друзья, а есть любимый. С другом я могу целоваться, обниматься, даже спать в одной постели, а любимый – он особенный!

Я не понимала. После моего студенческого замужества у меня было несколько романов. Все они были похожи на болезни и заканчивались успешным выздоровлением. Одни протекали бурно и с высокой температурой, другие спокойно, размеренно, но глубоко въедаясь до костей. Почти не было таких, что заканчивались полным разрывом, практически про всех своих любовников я могу сказать пошлое «мы расстались друзьями».

Я думаю, немалую роль играла моя «особенность», – я чувствую наперёд что будет. Разумеется, не до последней фразы, некоторая интрига в отношениях есть всегда, но она небольшая и касается в основном диалогов и деталей. Когда я впервые встречаюсь взглядом с тем, с кем мне предстоит оказаться в одной постели, я будто читаю анонс фильма, на который мне достался билет. Увлекательное будет кино или скучное, какие бы монологи не произносил главный герой, какие бы планы не строил, чтобы не пытался из себя изобразить, когда дело доходит до титров, фильм всё равно оставляет после себя ровно то ощущение, которое обещали анонс, жанр и сценарий. Основная печалька в том, что я не могу отказаться от просмотра.

– Ну ладно, мам, мне пора, – заполировала нашу зашедшую в тупик беседу Полинка, и уже в дверях: – Ты куда теперь поедешь? В Москву? Когда обратно? А, отлично, ну мы тут у тебя потусуем с Лёшей? Траву покосим заодно.

Моего согласия не требовалось, это было утверждение, плохо замаскированное под просьбу. «…Интересно, какую траву они собрались косить в ноябре?»

Я проводила дочь и вернулась в ещё звенящую от её убедительного голоска комнату. Мне хотелось «настоящего». Не того, что пляшет, играет и страдает на экране моих воображаемых «фильмов про отношения», а того, кого я найду «дома», после кино. Я так сильно этого захотела, что от усилия внутри меня родился звук, будто кошка прошла мимо гитары и кончиком напряжённого вертикального хвоста задела струны.

Я узнала этот звук и сняла с полки «Наследие ведьм». Мне хотелось просто подержать книгу в руках. Изъеденный древоедом лаз начинался чуть ниже буквы «i». «Интересно, – подумала я, – закончится ли он вот здесь…», – и распахнула наугад книжку. На меня смотрело заклинание. Воздух в комнате стал живым, он завихрялся и уплотнялся всё больше и больше вокруг меня. Если я сейчас не разгоню этот воздух, то он раздавит меня как консервную банку на дне мариинской впадины. Единственный выход из удушья был для меня очевиден, – я громко и внятно три раза прочла:

Dhat kann ec it seytianda,
At mic mun seint firraz
It mannvinga man

…Всё закончилось, как и не было. «Наваждение какое-то, – подумала я, – с ума уже схожу от одиночества». И поставила книгу на полку.

****

На следующий день на выставке в Москве ко мне подошёл ОН. Он искал издателя для своей книги. Я сразу его узнала, почувствовала. Он был «настоящим». Но что мне оставалось делать кроме как дать свою визитку и молиться чтобы он позвонил?

Он позвонил: «Здравствуйте. Это Роман. Я насчёт книжки». Собственно, он мог просто помолчать в трубку, я бы узнала.

Я объяснила ему как проехать к нам в офис, произнесла дежурную речь о том, что он выбрал правильное издательство, передала его вместе с его рукописью самому смышлённому менеджеру, пожелала удачи и с чувством глубокого разочарования от несбывшегося придуманного себе романа, собралась ретироваться, когда он взял меня за руку и буднично сказал: «Приходи ко мне сегодня вечером».

С таким раскладом он мог бы оказаться маньяком, убийцей, извращенцем, садистом, грабителем, дураком, мудаком, кем угодно, но об этом я даже не думала. Ощущение было такое, будто брат разыскал меня во дворе и, запрыгивая на велик, через плечо бросил: «Мама сказала, чтоб к семи пришла ужинать».

– Хорошо. Адрес и время в смс сбрось, – единственное, что я смогла из себя выдавить.

Четвёртый этаж старого дореволюционного дома на Ваське дался мне с неимоверным трудом. Кажется, я прорывалась к своему сокровенному «настоящему» как рыцарь к спящей красавице. Каждая стёртая до колеи ступенька приклеивала и держала меня за ноги, нашёптывая «…Не покидай нас, мы реальнее твоего «настоящего», останься в матрице, выбери синюю таблетку, назад дороги не будет…». Самым тяжёлым было поднять руку к кнопке звонка. Вместе с противным старческим дребезжанием звонка реальность забилась в истерике: «Ты убиваешь! Убиваешь меня! Ты не вернёшься…».

Я вернулась в реальность следующим утром. На внешнем уровне ничего из ряда вон выходящего не случилось. Мой Роман оказался классическим питерским интеллигентом с полным набором комплексов и страхов, мило переплетающихся с начитанностью и образованностью. Он был внимательным собеседником, потрясающим любовником. Он рассказывал

дежурные истории, которые обычно рассказывают женщинам на свидании, а я смеялась. Я варила кашу, а он кофе, мы как дети толкались за место у плиты.

У нас почти ничего не было общего по жизни, казалось бы, при таком несоответствии нам не о чем говорить, но мы без умолку болтали, и болтовня эта была естественной и гармоничной. Мы удивительно подходили друг другу. Единственное, что меня беспокоило: на этот раз я совсем не видела будущего. Никакого. Ни плохого, ни хорошего. Такое ощущение, что я ехала в поезде, а потом из него вышла. И теперь сижу с родным человеком в зале ожидания, держусь с ним за руки и смотрю онлайн трансляцию из вагона, в котором я ехала. Но какие бы захватывающие события там не происходили, они меня уже мало касаются, потому что я уже приехала, я дома.

Он провожал меня до машины. «Настоящее» схлопнулась, как на ламповом телевизоре переключают программу и включилась «Реальность».

Мы как ни в чём ни бывало продолжали болтать, на этот раз о машинах, он расхваливал свою «октавию». Уже открыв водительскую дверь, я на прощанье чмокнула его в по-воскресному небритую щёку и глаза-в-глаза выпалила: «Я люблю тебя».

Быстро, эффектно и безответно нырнуть в свою машину у меня не получилось, потому что он ловко ухватил моё лицо рукой. Когда я такое движение видела в кино, мне казалось это больно или как минимум неприятно, но на самом деле оказалось запредельно приятным, хотя бы оттого что это было одновременно властно, сильно и с любовью, и сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.